

эпітэтамі-каларатывамі ў мастацкім свеце пісьменніка з'яўляюцца чырвоны і сіні з вытворнымі ад іх адценнямі. Згаданыя фарбы часта суадносяцца ў лірыцы паэта па прынцыпу антытэзы. Пры гэтым чырвоны, увасоблены ў цэлым шэрагу сталых у паэтычнай сістэме А. Сыса вобразаў (агменю, незагойнай раны, крыві і інш.), з'яўляецца атрыбутыўнай адзнакай аўтапсіхалагічнага лірычнага героя і нясе шырокі спектр значэнняў: адзіноты, пакуты, спусташэння, творчасці. Сіні, прыналежны пераважна ролевым героям, праяўляе сябе ў розных адценнях, набываючы амбівалентныя характарыстыкі: цёмны – становіцца адзнакай дэпрэсіўнага стану, блакітны – святасці і чысціні. Разам з тым і сіняя, і чырвоная палітра супадаюць у семантыцы ачышчэння, катарсісу. Універсальная колеравая апазіцыя “белы – чорны” ў інтэрпрэтацыі паэта, наадварот, нярэдка страчвае сваю палярнасць і нават суправаджаецца ідэяй узаемазамыняльнасці, заменай аксіялагічнага знаку “плюс” на “мінус” і наадварот.

Спіс выкарыстанай літаратуры

- 1 Сыс, А. Лён: выбраныя творы / Анатоль Сыс. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – 436 с.
- 2 Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – Москва : «REFL-book», 1994. – 608 с.

In modern literary criticism, color is perceived as one of the basic components of the writer's artistic picture of the world. Using the example of A. Sys's poetry, the article identifies the main color images-symbols of his lyrics and their role in the artistic text, provides interpretations of the ideological content of the most interesting poems with expressive color coloring, and concludes about the ambivalence of the semantics of most of A. Sys's coloratives, their original use in the poet's philosophical and intimate lyrics.

УДК 811.161.1'36:398.92

А. Н. ВЕЛИКИЙ

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКЕ КОНСТРУКЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье внимание уделено проблематике грамматической структуры фразеологизмов, изучению параметров фразеологической фиксированности. Основным вопросом является вербоцентрическая концепция, поскольку именно глагол согласно этой теории в высказывании детерминирует выбор слов иных лексико-грамматических классов для обозначения той или иной ситуации.

Грамматическая структура фразеологизмов характеризуется высокой степенью внутренней фиксации при парадоксальной вариативности синтаксических функций в предложении. Фразеологические единицы функционируют как синтаксические целостности разных рангов – номинальные, глагольные, предикативные – что осложняет их систематизацию в рамках традиционной грамматики. Безусловно, вопрос о грамматической структуре фразеологизмов решался, решается и, вероятно, будет решаться.

До сих пор исследовательское внимание к глагольным конструкциям во многом обусловлено тем, что в соответствии с вербоцентрической концепцией именно глагол в высказывании детерминирует выбор слов иных лексико-грамматических классов для обозначения той или иной ситуации. Исследовательская задача состоит в разработке модели, сочетающей дескриптивные категории синтаксиса и параметры фразеологической фиксированности (степень изменяемости, допустимые модификации, управление).

В настоящее время вербоцентрическая концепция считается вполне традиционной. Впервые же идея вербоцентрического строения предложения была высказана в России во второй половине XIX века А. А. Дмитриевским. Выступая против господствовавшего в то время представления о том, что в предложении два главных члена – сказуемое и подлежащее, он писал: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения, если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» [1]. К сожалению, творчество А. А. Дмитриевского практически оставалось неизвестным до второй половины XX века, а идея вербоцентрического строения предложения почти спустя столетие была переоткрыта Л. Теньером, французским теоретиком и славистом, и получила широкое распространение после посмертной публикации его «Структурного синтаксиса» [1].

Стоит также отметить, что в основе вербоцентрического подхода лежит общенаучный принцип композиционности, или композициональности, который в лингвистике называют еще принципом Фреге. Суть его состоит в том, что, хотя каждый сложный элемент в общем случае – это не простая аддитивная сумма составляющих его простых элементов, все же свойства более крупных языковых единиц (в частности, синтаксических конструкций) выводимы по определенным законам из свойств этих более элементарных компонентов. Принцип композиционности в лингвистике понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, линейно-акцентной структуры и других значимых единиц языка в составе конструкции, являющейся коммуникативной единицей [1].

Необходимо также подчеркнуть, что при определенных достоинствах в рамках вербоцентрического подхода и в соответствии с его теоретическими установками недостаточно учитывается вполне допустимое теоретически и реально представленное обратное влияние элементов конструкции как на глагольную лексику и ее толкование, так и на интерпретацию самой глагольной конструкции в целом.

Сторонники теории Грамматики конструкций (Construction Grammar, сокращенно CxG) ставят под сомнение безусловное действие принципа композициональности, обращая внимание на тот факт, что в каждом из языков есть идиоматические выражения, то есть такие сочетания знаковых единиц, для которых правила вывода значения не действуют. Ключевое понятие в данной теории – это понятие «конструкция». Под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [2, с. 19]. Согласно данной теории, конструкциями являются языковые единицы любого уровня (если они обладают формой и содержанием), их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения [2, с. 19].

Элементы и значения каждого из участвующих в конструкции уровней существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом: более слабое предположение, отвергающееся на прагматическом уровне, располагает объекты, появляющиеся на синтаксическом уровне, на шкале, действующей на семантическом уровне. Таким образом, элементы разных уровней не просто связаны – они неотделимы и интерпретируются во взаимодействии друг с другом. Нередко в «одной упряжке» могут оказаться не только семантико-синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих. Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории CxG. Это положение очень важно, несмотря на свою предельную простоту. Принятие его имеет ряд существенных последствий.

В первую очередь стоит обратить внимание, что фактически в таком случае речь идет о невозможности автономного синтаксиса (точно так же, как и автономной семантики или морфологии). Все уровни являются взаимосвязанными в том смысле, что никакие элементы

или операции не функционируют только на одном из них. Например, нельзя сказать, что данный элемент важен только на синтаксическом уровне, а после того, как заканчивается синтаксическая обработка и начинается, скажем, семантическая, он уже не нужен.

Очень важным для теории СхG является идея, что анализ на различных уровнях происходит не последовательно, а одновременно, и элементы одного из уровней постоянно доступны и могут взаимодействовать с элементами другого уровня. Более того, очень часто невозможно сформулировать ограничения на компоненты конструкции, делая это последовательно, для каждой переменной отдельно – так сказать, по очереди, потому что взаимосвязанность ее фрагментов на всех уровнях предполагает, что свойства одного компонента выбираются в зависимости от каждого из остальных. Это значит, что теоретически каждый набор свойств данного компонента определяет для его соседа свой круг ограничений. Новая его реализация (с другим набором свойств) может потребовать эти ограничения радикально пересмотреть – в то время как сама конструкция останется при этом неизменной.

Другое важное следствие – в том, что форма высказывания оказывается мотивированной. Именно семантика определяет (но не предсказывает) его состав и наполнение, поскольку главное в каждой конструкции – ее значение. Парадокс, однако, состоит в том, что согласно теории СхG это значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композиционности, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов. Так что, образно говоря, конструкция похожа на сложенный пазл или решетку sudoku, в которых целое предстает как неделимое, но одновременно и как собранное из отдельных фрагментов: все дело опять-таки в том, что и значение целого, и значение каждого отдельного фрагмента зависимо от серий параметров многих других частей. Разумеется, такого рода языковые единицы должны быть индивидуальны, специфичны для конкретного языка и их нельзя штамповать набором простых универсальных правил [2, с. 21–22].

На сегодняшний день СхG представляет собой некоторое обобщение различных подходов и концепций, а не единую теорию. В качестве базовых принципов, принимаемых всеми направлениями СхG, можно назвать отрицание четкой границы между грамматикой и словарем, отказ от статичного взгляда на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений регулярным грамматическим правилам [3, с. 7].

Важно отметить, что значение тех или иных лексических единиц обусловлено контекстом. Так и элементы, из которых строится высказывание, чувствительны к своему окружению и при этом влияют на сам способ построения синтаксических групп. Иными словами, план содержания единиц лексикона зависит от синтаксиса, а синтаксис зависит от выбора лексических единиц. Поскольку фразеология по определению находится в промежуточной зоне между лексиконом и грамматикой, вполне естественно, что интересы грамматики конструкций и теории фразеологии пересекаются [3, с. 7].

«Главное отличие грамматики конструкций от фразеологии, – пишет Д. О. Добровольский, – состоит в том, что СхG – это, прежде всего, синтаксическая теория (хотя и с претензией на охват всех уровней языковой структуры), а теория фразеологии – это часть лексикологии, то есть теория, ориентированная на лексикон и в первую очередь на лексическую семантику» [3, с. 8]. Отправной точкой развития СхG, по мнению Д. О. Добровольского, явилось осознание того факта, что синтаксические схемы часто небезразличны к своему лексическому наполнению и что для полного описания синтаксиса нужно учитывать и нерегулярные феномены, которые в одних случаях напоминают устойчивые сочетания слов, традиционно изучаемые в рамках фразеологии, а в других – требуют обращения к правилам взаимодействия синтаксических структур [3, с. 8].

Объектом описания теории фразеологии являются устойчивые словосочетания как единицы языка, их семантические, прагматические и сочетаемостные особенности, а также параметры их системной организации. Грамматика конструкций отказывается от статичного взгляда

на язык, согласно которому высказывания строятся из лексических единиц с фиксированными значениями, соединяемых по независимым от этих значений и регулярным грамматическим правилам. Вместо этого подчеркиваются динамические аспекты порождения высказывания: неэлементарные составляющие строятся из элементов, с одной стороны, чувствительных к своему окружению, а с другой – влияющих на сам способ построения синтаксических групп. При таком взгляде на вещи основными единицами языка оказываются не лексемы и не правила, а конструкции разной величины, степени сложности и уровня абстракции.

Д. О. Добровольский подчеркивает, что с грамматикой конструкций соотносится одно из направлений Московской семантической школы – изучение феноменов «малого синтаксиса». В область «малого синтаксиса» включаются как «синтаксические фраземы» типа *все равно*, так и «нестандартные синтаксические конструкции» различной природы, например, конструкции с тождественными словоформами (такие как *он рос и рос; я верил и не верил*). К «синтаксическим фраземам» относятся также и составные предлоги (например, *в силу*), наречия степени типа *от силы* и др. [3, с. 9].

Д. О. Добровольский считает, что в качестве критерия противопоставления «синтаксических фразем» и «нестандартных синтаксических конструкций» служит наличие в соответствующей структуре четких лексических «якорей» [3, с. 10]. Например, конструкцию Z-у не до X-а (*Антону сейчас не до тенниса*) Д. О. Добровольский считает фраземой, так как она содержит константные лексические элементы *до* и *не*. Именно такие сочетания и представляют с точки зрения Грамматики конструкций наибольший интерес, поскольку их синтаксическая структура (вместе с фиксированными элементами конструкции) характеризуется единым значением, приближающимся к лексическому [3, с. 10]. Например, фразеологизм-конструкция X как X (*обед как обед, статья как статья*) выражает идею обычного: *обед как обед* – значит ‘этот обед соответствует представлениям об обычном, нормальном обеде’. Такое высказывание уместно, например, как реакция на критическое замечание собеседника, ср.: – *Ну и обед! Накормили называется!* – *Да ты что?! Обед как обед.*

К «нестандартным синтаксическим конструкциям» Д. О. Добровольский относит синтаксические схемы, в которых нет лексических ограничений на заполнение элементов конструкции. В качестве примеров нестандартных синтаксических конструкций приводятся форма X-овать (не) X-овал... (ср.: *читать не читал, но... или спать-то я спал, но не выспался...*) и омонимичная конструкция типа *есть не ест; пить не пьет; курить он не курит* [3, с. 10].

Помимо феноменов «малого синтаксиса» и нерегулярных лексикализованных словосочетаний, близких к фразеологии, в сферу законных интересов грамматики конструкций попадают и случаи, в которых глаголы определенного класса приобретают несвойственную им модель управления, что часто связано с семантическими сдвигами (например, *грузовик тархтел по пыльной дороге*). Д. О. Добровольский отмечает, что на материале английского языка подобные случаи подробно описаны в работах А. Голберг [3, с. 10]. Существенный интерес для СxG, по мнению Д. О. Добровольского, представляют также классы глаголов со специфической моделью управления, особенно если их конструктивные свойства не вполне предсказуемы (например, *считать условия плохими, находить ее исключительно красивой*) [3, с. 11].

«В целом, грамматика конструкций оказывается весьма полезным направлением, когда перед исследователем стоит задача включить в круг рассмотрения нерегулярные или не вполне регулярные явления языка, которые плохо поддаются анализу в рамках традиционных подходов, – приходит к заключению Д. О. Добровольский. – Основные плюсы этого направления мы видим в привлечении внимания теоретической лингвистики к явлениям, обычно характеризуемым как маргинальные. С тех пор как лингвисты стали активно работать с корпусами текстов, оказалось, что многие из так называемых маргинальных явлений языка отличаются крайне высокой употребительностью, и задача их описания из периферийной становится центральной. Это касается всей фразеологии, а также большого количества самых различных нерегулярных или не вполне регулярных языковых выражений» [3, с. 12].

Понятно, что любой фразеологизм является конструкцией. Для теории фразеологии вопрос заключается не столько в соотношении объемов понятий «конструкция» и «фразама», или «конструкция» и «идиома», сколько в том, какие преимущества дает описание фразеологии в терминах СxG по сравнению с традиционным. Д. О. Добровольский полагает, что, хотя в рамках грамматики конструкций наблюдаются тенденции включать фразеологизмы всех типов в сферу компетенции СxG, делать это вряд ли разумно: «Идиомы, пословицы и прочие фразеологизмы с фиксированным лексическим составом проще и экономнее описывать как единицы лексикона, чем как синтаксические образования нерегулярной природы» [3, с. 12].

Главный выигрыш для теории фразеологии, с точки зрения Д. О. Добровольского, состоит в том, что в качестве одного из наиболее значимых классов фразем в рассмотрение вводится класс фразеологизмов-конструкций, соотносимый с «лексически открытыми фразами» и противопоставленный «лексически заполненным фраземам». Лексически заполненные фраземы – это «нормальные» (или классические) фразеологизмы: идиомы, коллокации, пословицы (*сыграть в ящик; на воре шапка горит*), в то время как лексически открытые фраземы – это синтаксические паттерны с определенной, не вполне предсказуемой семантикой и прагматикой (ох уж мне эти X (*ох уж мне эти фокусники*), X как X (*вечер как вечер*), X не в X (*праздник не в праздник*), не X, а так, Y (*не научный доклад, а так, рассказ о впечатлениях*), мало ли что P (*мало ли что ему в голову придет*) и др. [3, с. 12].

К числу конструкций, не относящихся к классической фразеологии, однако вызывающих научный интерес в связи с методологией, выработанной в рамках теории «Грамматики конструкций», относятся глагольные конструкции, содержащие в своей структуре в качестве своеобразного «якоря» прономинативный компонент и реализующие в связи с этим значение внутреннего конфликта. Структура таких глагольных конструкций схематично может быть представлена следующим образом X-ть в себе Y (*победить в себе страх; побороть в себе искушение*), X-ть себя Y-ми (*мучить себя догадками, терзать себя мыслями*), X-ть себя за Y (*казнить себя за промахи, проклинать себя за ошибки*) и др. Это явно композиционные структуры, в то же время закономерность сдвигов в семантике глаголов в составе данных конструкций говорит о существовании определенных правил сочетаемости, вызывающих эти сдвиги. Нельзя не согласиться с Д. О. Добровольским, который считает, что такого рода единицы до сих пор «не привлекали должного внимания фразеологов: семантика таких конструкций описывалась весьма приблизительно, а ограничения на заполнение «пустых мест» и соответствующие селективные предпочтения практически не исследовались» [3, с. 18].

В целом, формализация правил управления и согласования во фразеологизмах необходима для лексикографии, автоматической обработки текста и практики преподавания языка. Таким образом, грамматическая специфика фразеологизмов требует интеграции синтаксических и фразеологических параметров в единое описательное пространство.

Список использованной литературы

1 Храковский, В. С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций / В. С. Храковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/34jpMS>. – Дата доступа: 13.01.2026.

2 Рахилина, Е. В. Лингвистика конструкций. / Е. В. Рахилина // М. : Издательский центр «Азбуковник», 2010. – 584 с.

3 Добровольский, Д. О. Грамматика конструкций и фразеология / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2016. – № 3. – С. 7–21.

This article focuses on the grammatical structure of phraseological units and the parameters of phraseological fixation. The central issue is the verbocentric concept, since, according to this theory, it is the verb in a utterance that determines the choice of words from other lexical and grammatical classes to denote a given situation.